

В. М. ФАЛИН

**Без скидок на обстоятельства.
Политические воспоминания**

<Фрагменты>

Надеюсь, я донес до вас мысль: Горбачев умел на разный лад улыбаться, и не только улыбаться. Он совершенствовался в искусстве управлять при помощи слов поведением людей, а из самих слов плести маскировочные сети, в которых прятал намерения. Пока не поиздержался настолько, что остались слова-трели, слова для слов, слова для самоутешения и самообмана.

Не намеревался я заниматься историографией «эпохи Горбачева». О лидере перестройки неизменно высказывался подчеркнуто уважительно и лояльно. Даже когда накопились и укоренились сомнения, выводил его из-под слишком злой критики, как на партконференции в Могилеве, встречах с активом в Одессе и Ленинграде, дискуссиях в московских райкомах. Вопросы и недоумения доверял только коллегам по секретариату, да и то в официальной обстановке, чтобы никто не записал меня в когорту хамелеонов.

И сегодня я далек от желания чернить экс-генерального секретаря. Потому я не ставлю Горбачева из 1985–1987 гг. на одну доску с Горбачевым из политического небытия, в которое он впал самое позднее в 1990 г. По той же причине не провожу знака равенства между внешней и внутренней политикой перестройки, а качество каждой из них не склонен оценивать паушально. Исправить случившееся нельзя. Созданная Сталиным система не стоила того, чтобы ее оплакивать. Извлечь уроки ради отведения новых бед от народов, за которые они не в ответе, вот что надобно.

Со всеми оговорками относительно двусмысленности позиции по сталинизму, легковесности в проработке серьезных вопросов (антиалкогольная кампания, решения об индивидуальной трудовой деятельности, кооперации и др.), забеганий в обещаниях надо признать — за первые месяцы, может быть, в первый год новое

руководство создало заделы для реформирования общества. Наметился психологический перелом, люди стали стряхивать апатию. Казалось, вот-вот состыкуются воля к обновлению сверху с нежеланием внизу жить по-старому. И тогда, в отличие от прежних заходов на модернизацию системы, предпринимавшихся после смерти Сталина и сразу после смещения Хрущева, пессимисты были бы посрамлены — предпосылки успеха совместились бы.

Обратимся к надежным цифрам. В 1985 г. остановился носительный и абсолютный экономический откат. В 1986 г. национальный доход вырос на 4 процента (против 3,9 плановых), производительность труда — на 4,9 процента (по плану предполагалось 4,1), промышленное производство — на 4,9 процента, или на треть больше, чем в среднем в год в XI пятилетке.

Несмотря на все сохранявшиеся диспропорции, перекосы, неувязки, даже вопреки чернобыльской катастрофе, экономика оживилась. За 1986–1988 гг. национальный доход прибавил на 11,6 процента, объем промышленной продукции — на 13,3 процента, капитального строительства даже на 36 процентов.

Как и почему наметился сдвиг? Перемены в настрое людей я бы выделил особо. Рядом с ним по справедливости надо поставить более эффективное функционирование основных звеньев управления. Само правительство меньше командовало и больше работало, не вытягиваясь в струнку, когда им пытались командовать с политических вышек.

Раз дело пошло, не мешай тем, кто дал ему толчок, закрепить положительную динамику, набрать обороты. Все сразу не получится, это было ясно без экспериментов. Не создано такой экономики, которая одолевала бы структурный кризис с сегодня на завтра и безболезненно. А советская экономика прежде должна была стать сначала экономикой, покончить со всеми видами внеэкономической зависимости и подчиняться законам экономического развития. Я тоже приложил руку к критике затратного характера советского хозяйства и доказательству необходимости всемерного развертывания товарно-денежных отношений, совершенствования механизма рынка. В 1987 г. соответствующее решение было даже одобрено пленумом ЦК.

У западных наблюдателей своих забот полон рот. Проблематика советской экономики смотрелась, как правило, при свете из своего окошка. А то подметили бы некое совпадение. В 1965–1966 гг. А. Н. Косыгин¹ круто взялся за ремонт хозяйства, и наметились подвижки. Если так дальше пойдет, примут Косыгина за благодетеля. Но при тогда принятой системе власти благодетелем мог быть лишь генеральный секретарь. В идеальном варианте без сотоварищей.

В епархии Н. И. Рыжкова случились перемены к лучшему, причем в концепции поэтапной перестройки экономики профилирующим был почерк команды главы правительства. У успеха — как же иначе! — должно быть несколько отцов. Со временем приемный отец выдвигается в главные, не смущаясь тем, что говорил с ребенком на разном наречии.

Из всех сфер деятельности, к которым прикасался М. С. Горбачев, наиболее беспомощным он проявил себя именно в области экономики. Здесь у него было больше всего очевидных метаний и провалов, выданных и неоплаченных векселей. Заведомо несостоятельной и самой дорогой по издержкам являлась линия на переименование экономики неэкономическими методами. Все программы «500 дней», придуманные для ублажения неискушенного слуха, — они отсюда.

Я не хочу и не могу утверждать, что деятельность правительства Н. И. Рыжкова заслуживает сплошь или даже преимущественно положительных оценок. На мой взгляд, закон «Об управлении государственными предприятиями», введенный в силу 1 января 1988 г., в отрыве от других реформ усугубил напряженность в хозяйстве и спровоцировал расстройство финансовой системы. «Демократизация на рабочем месте» с ее выборностью менеджеров, аннулированием взаимозависимости между заработной платой и производительностью труда, с неустраненным монополизмом производителя породила стихию рынка в отсутствие рынка.

Или «реформа» СЭВа², чтобы не утомлять ваше внимание излишним числом иллюстраций. Да, крайне несовершенной была система взаимных расчетов в этой организации. Неэквивалентность цен на сырье, энергоносители и готовые изделия обходилась Советскому Союзу в 80-х гг. в среднем по 6–8 миллиардов долларов потерь в год. Но волевой, одномоментный перевод взаимных платежей на свободно-конвертируемую валюту — в ее отсутствие — тоже не был выходом из положения. Международный отдел ЦК пытался пригласить взвесить издержки, а не одни приобретения. Желающих прислушаться не сыскалось.

Уже приходилось отмечать, что в дебюте М. С. Горбачев имел за собой большинство партии. Я сознательно не говорю, что он вел за собой весь или почти весь партийный аппарат. В самом начале, возможно, и основная часть аппарата была с ним, но затем генеральный упустил его. Или Горбачев уступил партаппарат, когда делился полномочиями при венчании на власть, второму человеку в партии и отобрать затем не сумел?

Уже летом 1986 г. поползли слухи о возможности переворота. Они повторялись из года в год с разной степенью интенсивности, но в то ле-

то были внове. Ко мне в АПН запросились китайские корреспонденты. Не для интервью. Но чтобы донести возникшее в Пекине беспокойство и перепроверить собственные прогнозы дальнейшего хода событий.

Пружинами недовольства чаще всего называли военных и партконсерваторов. Сам Горбачев приоткрыл занавес. Выступая в Ташкенте, он подчеркнул, что аппарат — еще не партия. Холодная война в КПСС развернулась. Михаил Сергеевич не просто поссорился с Егором Кузьмичом. Генеральный секретарь вошел в клинч с так называемым «партактивом», чтобы в конце концов потерять интерес ко всей партии.

Отдаление Горбачева от партии и партии от Горбачева ускорилось после XIX Всесоюзной конференции КПСС. По крупному счету на ней состоялась не реформа политической системы, а ее переоформление, уже без партии в качестве «ведущей и направляющей». Вести и направлять отныне должен был не институт, а человек, но также единолично. Если принимать буквально лозунг «Вся власть Советам!», то лидер по советской линии.

Еще какое-то время станут прятать, на какой режим правления нацелились. Соединение двух начал, советского и партийного, должно погасить подозрения, нейтрализовать ожидавшееся сопротивление использованию в интересах Советов партийного аппарата. Не о национализации партийных зданий и прочего имущества шла речь, а знаний и опыта КПСС, иначе говоря — о национализации ее кадров. Без кадров и инфраструктур Советы оставались тем, во что их деградировал Сталин, — фиговым листом.

Отказ партии от реальной власти в отсутствие дееспособного преемника означал демонтаж всякой власти, в особенности на среднем и нижнем уровнях. Разверзался вакуум. Его наполняли анархия, местничество, сепаратизм всяких цветов. Никакое наращивание властных атрибутов и полномочий у первого лица не могло компенсировать выпадение структурных звеньев на периферии и в центре.

Сложение КПСС функций, присвоенных в период «военного коммунизма» и раздутых до небес в годы Второй мировой и холодной войн, было совершенно необходимо в интересах дела и самой партии. Но опять-таки иначе по мысли и по исполнению. Здесь, возможно, многое скажет само за себя признание Э. А. Шеварднадзе, сделанное в 1991 г. и характеризующее политическую квалификацию обновителей в целом:

— Нам было ясно, что нужна коренная перестройка, но никто не представлял себе, с чего начинать.

В подобных обстоятельствах мудрые советуют — начинайте с себя. Политики — это особая примета данного племени — ищут подопытных на стороне.

Я обронил замечание, что плохое исполнение плохо продуманного умножало издержки. Исполнительная власть возвращена правительству, законодательная — Советам, судебная — судам. Правильно сделано, хотя пришло с запозданием по меньшей мере лет на сорок — сорок пять. КПСС отныне только политическая организация, и не единственная. Тоже не трагедия, если не думать категориями удобств. Что же мешает партийным лидерам самим поставить вопрос об изъятии из Конституции 6-й статьи, ставившей КПСС над вся? Почему из членов ЦК только мы двое с А. И. Вольским голосуем на съезде депутатов за включение соответствующего пункта в повестку дня?

Решения партконференции не формальность. Аппарат ЦК, как церковь, отделили от государства. Международный отдел, к примеру, вычеркнут из списка получателей мидовских сообщений. Слушайте, наравне с остальными, радио. Если скучно, включайте телевизор. В очереди на международные телефонные разговоры ЦК после кооперативов, ибо взяток не дает.

Правда, политбюро какое-то время действует как ни в чем не бывало. Тот же министр иностранных дел в качестве члена политбюро не прекращает размечать себе и коллегам телеграммы и прочие дипломатические депеши. Возможно, политбюро готовится превратиться в совещательный орган при будущем президенте? Так или иначе, политбюро и аппарат ЦК зажили в различном режиме. Генеральный в узком кругу не скрывает, что смотрит на ЦК и аппарат партии в целом как оппозиционные себе структуры. По его восприятию, «недружественно настроенными» были в своей массе также делегаты XIX конференции и позднее XXVIII съезда КПСС. Это отношение М. С. Горбачев перенес затем на последний состав политбюро.

Апрель 1991 г. Заседание политбюро, четвертое, от силы пятое с июля прошлого года, да и то созванное по настоянию секретариата и руководителей ряда республиканских компартий. Назавтра пленум ЦК. Лучше внести ясность в позиции и отношения загодя.

— Что у вас? — бросает переполненный раздражением генеральный.

— У меня есть поручение украинской парторганизации выяснить, на какой основе ведутся переговоры о союзном договоре в Ново-Огареве, — говорит первый секретарь ЦК КПУ С. И. Гуренко³. — Придерживаетесь ли вы, Михаил Сергеевич, вотума, вынесенного семьюдесятью шестью процентами избирателей на референдуме 17 марта (1991 года)? Мы, члены политбюро и республиканские руководители, никакой информации, кроме газетной, не имеем. А из сообщений прессы понять что-либо трудно.

— А много ли вы поймете, если я что-то расскажу? — задирается М. С. Горбачев.

— Нам, провинциалам, конечно, не тягаться с вами, восседающими в ареопаге. Но я прибыл в Москву с однозначным поручением организации, которую представляю, — настоять на ответе на поставленный вопрос, — не сдается Гуренко.

— Можете сказать, что я исхожу из итогов референдума.

— Пусть для вас не будет неожиданным, что я подвергну вашу деятельность острой критике завтра на пленуме ЦК, — заключает Гуренко тягостный диалог.

Еще несколько членов политбюро выступили с чуть смягченными или даже более резкими заявлениями. Генеральный ерзает в кресле, ограничиваясь полемическими репликами. Посматривает на часы.

— Ну, в общем ясно. Свое мнение вы высказали. Я выступаю в Ново-Огареве как президент. Теперь пора отправляться в соседнее здание, где нас ждут секретари обкомов и крайкомов.

«Я президент, и не ваше дело давать мне советы, тем более что-либо предписывать. Генеральный секретарь я лишь по совместительству» — так истолковали поведение М. С. Горбачева на политбюро его участники. Новых встреч в этом составе уже никто не ожидал. Их и не было.

Переходим в шестой подъезд. Малый конференц-зал полон. Физически ощущаешь, как накалена атмосфера. Горбачев продолжает гнуть свое. Что он задумал — расколоть пленум и с ним партию? Иначе не объяснить его arrogantного поведения и интонаций.

Кто интересовался историей международных отношений, вспомнит, наверное, как после одного из заседаний Версальской мирной конференции, реагируя на вопрос «как дела», его участник ответил:

— Блестяще. Разошлись по всем пунктам.

Столь же блистательно протекала последняя встреча генерального секретаря с региональными партийными лидерами. В зале даже не возмущение, а удивление.

Ко мне в кабинет заходят секретари из Свердловска и Черноземья. У всех одно на уме: что с Горбачевым? Он вызывает на конфликт — принимать ли вызов и когда? Объясняю, что секретариат терзают те же заботы. Президент теряет почву под ногами и ищет виноватых. В данном случае виновными оказываются те, с кем у него не складываются отношения или к кому у него предвзятый подход. Но разрыв в нынешних условиях навредит делу. Исходя из этого каждый должен самоопределиваться, что делать, как и когда.

На пленуме дошло до столкновения. Горбачев заявил о готовности сложить с себя обязанности генерального. Предложение об-

судить этот вопрос собралось 13 голосов, девять десятых выступили против. С моей точки зрения, тогда же высказанной иностранным журналистам, а также самому М. С. Горбачеву, значение произошедшего не в итогах голосования. Пала одна из самых заурядных традиций, ставивших должность генерального секретаря над партией и законом. Для меня это был долгожданный признак того, что демократизация внутри партии достижима.

Я не преувеличил, заметив, что секретариат терзало беспокойство по поводу происходившего в стране, партии и с Горбачевым. Пусть другие скажут за себя. Меня лично не устраивало положение «слепых, слепым ведомых». Проект Союзного договора, обсуждавшийся в Ново-Огареве, предусматривал превращение Советского Союза в конфедерацию или содружество суверенных независимых государств. Допускались различия не только в законах, но и в социально-экономическом и политическом устройстве.

Возникал принципиальный вопрос: писаны ли для демократов демократические правила? Три четверти избирателей проголосовало за союз, а не содружество. Что, нужны были пресловутые 99,9 процента, чтобы воля снизу стала директивой для верхов? Результаты референдума по другим вопросам, выносившимся на суд народов в тот же день 17 марта 1991 г., — например, о введении президентского режима правления в России и ряде других республик, были приняты как руководство к немедленному действию. Научились расщеплять не только атом, но и народную волю?

Кого представляет на переговорах в Ново-Огареве президент СССР? М. С. Горбачева выдвинула на президентский пост коммунистическая партия. Он оставался генеральным секретарем этой партии. Почему же ни политбюро, ни секретариату, ни пленуму ЦК не известно, в какие игры Горбачев играет, чего добивается? Ничего толком не знали вице-президент и члены разных советов вокруг президента.

Мне, может быть, повезло даже больше, чем многим остальным. Хотите узнать, как было включено в название слово «суверенные»? В конференц-зале особняка номер три, что в Волынском, М. С. Горбачев, А. Н. Яковлев, Н. Я. Петраков, Г. Х. Шахназаров и я. Какой повод свел нас, не запомнил. Но основной разговор шел о трудностях переговоров с Б. Н. Ельциным и руководителями других республик относительно будущего Союза. Сплошные тупики, замечает Горбачев, начиная с названия. «Социалистические» не приемлют, за «советские» предстоит изрядно побороться.

Петраков говорит, что можно было бы заменить «социалистические» на «суверенные», тогда обеспечивается преемственностью, хотя бы в аббревиатуре. Президенту идея явно по вкусу: «А что, можно попробовать».

Мое замечание, что референдум не закончился: в марте он выявил в прямом голосовании волю народа, сейчас тот же референдум проверяет готовность государственного руководства уважать эту демократическую волю, М. С. Горбачев пропускает мимо себя. Он начинает, как любил выражаться, «гонять» слово «суверенитет». Панихида по гуманному социализму открылась. Доперестраивались.

Допустим, даже не сообщество, а конфедерация. Какие последствия это будет иметь для КПСС? Советский Союз исчезнет. Допустят ли суверенные независимые республики, чтобы на их территории действовала партия (партии), руководимая из какого-то центра? Сомнительно.

На секретариате в июле 1991 г. я поставил вопрос так:

— Информации из Ново-Огарева нет. Если, однако, дело идет к конфедерации или еще более рыхлому межгосударственному образованию, то в повестке дня упразднение КПСС. Мы по мандату XXVIII съезда здесь что-то с серьезными минами обсуждаем, а нас, возможно, уже не существует? Я не в том возрасте, чтобы быть у неизвестности на побегушках. Либо нас просветят о том, что происходит, либо пора сворачивать наши сидения.

Конечно, мне было известно, что информация о заседаниях секретариата в тот же день, если не час, докладывалась Горбачеву. О его отклике на данный мой демарш я узнал от спикера президента.

— Что твой Фалин на меня бочку катит? — спросил президент в передаче В. Н. Игнатенко незадолго до отбытия на юг. Других мыслей в голову ему не пришло, — скажем, президентом чего и генеральным секретарем в какой партии он собирался состоять? Или все наперед уже решил?

На языках почти всех народов есть поговорка: в гору семерым под силу, с горы один столкнет. Потом и кровью скольких поколений становилась Россия и позднее держался Советский Союз? 27 миллионов 600 тысяч наших сограждан пали во Второй мировой войне, чтобы остановить коричневую чуму, угрожавшую цивилизации, и чтобы продолжался Советский Союз. Как саркастически заметил кто-то из демократов в Верховном Совете России, то, что оказалось не под силу Наполеону, Гитлеру и военному атому, когда США монопольно им владели, между делом совершил Горбачев. Порушил гигантскую страну и, глядя, как брат на брата, народ на народ с топором пошли, уверяет, что вернул людям свободу.

Объективно варианты имелись. Но почти каждый конкретный случай знал критическую массу и момент, после которых от желаний проку было мало.

Возьмем национальные отношения. Если Горбачев считал национальную проблему в стране раз и навсегда решенной, тем хуже для него. Если не считал, то не вправе был заявлять, что конфликты в этой области застали его врасплох. По пухлости стекавшихся к нему бумаг он мог, не читая, судить: неладно в межнациональных отношениях, причем в самых различных углах Союза.

Национальная проблема не поддается «окончательным» решениям, как никого нельзя навсегда одарить здоровьем. Пока нация живет, эта проблема — процесс. Верное вчера и сегодня вполне может стать неверным завтра. И еще. Для особенно малочисленных народов и национальных меньшинств «закон больших чисел» или «метод подobia» неприменимы, а попытки навязать их окриком чаще всего переводят сравнительно легкий недуг в тяжелую хворь.

И до Нагорного Карабаха было не до дремы. Прибалтика, репрессированные при Сталине народы, национализм в Якутии, Бурятии, Молдавии, еврейская эмиграция. Диктатор действовал методом «прореживания».

<...>

А ведь был шанс. На короткое время, но все-таки давался. После погромов в Сумгаите, на волне раскаяния, азербайджанское общественное мнение готово было принять, а армянское удовлетвориться в качестве «переходной модели» административным переподчинением Нагорного Карабаха непосредственно союзному центру. Е. М. Примаков, С. А. Ситарян⁴ и я предлагали это Горбачеву.

Национальная проблематика состояла под надзором Е. К. Лигачева. Он насчитал 18 потенциальных Карабахов, которые рванут, стоит применить щадящую терапию хотя бы в одном месте и единственный раз. Проявим твердость — и все вернется в норму, таким был его прогноз. Горбачев не возражал и, больше того, сам вовлекся в нажимные акции.

Результат — самострел. Поползла опухоль иррационального национализма и насилия. Потенциальные очаги стали реальными вооруженными конфликтами. Тысячи убитых, сотни тысяч беженцев, и конец безумию в этом тысячелетии не светит. Не слишком ли дорого обходятся своеволие и упрямство? В перестройку Нагорный Карабах маркировал негативный слом не в частном случае, а крушение того, что до этой поры рекламировалось как «национальная программа социализма» и призвано было доказать достижимость национальной справедливости в государстве многонационального типа.

76–78 миллионов в Советском Союзе на 1990 г. жили в республиках с другим «коренным населением». После распада Союза

они оказались в эмиграции, за границей, часто на положении батраков, лишенных гражданских и политических прав. Даже те, кто живет в новоявленной загранице во втором-третьем или десятом поколении. Двойного гражданства наша политическая культура не наработала, языковые и прочие цензы в момент крушения «империи» приобрела. Остается уповать на то, что не появится еще один националистический мутант — русский фундаментализм. Он был бы не лучше других. В любом черно — или красносотенном исполнении.

Перестройка не состоялась ни внутри, ни вовне. Тоталитарный режим сменился на авторитарный. Различия есть. Упрощения ни к чему, они только осложняют извлечение корня. М. С. Горбачев не претендовал на бессрочную власть. Злодеем он не был и топору предпочитал микрофон. Но отмеренным ему куском времени Горбачев желал насладиться сполна и всласть.

В апреле 1991 г., когда Горбачев поздравлял меня с шестидесятипятилетием, я заметил:

— Скоро обозначится более интересная дата, чем появление на свет. 1 августа — полвека, как я тружусь. Для одного человека в нашей стране это предостаточно.

— У тебя такая же трудовая биография, как у меня. Я сел на комбайн тоже в пятнадцать лет.

— Это дает мне дополнительное основание рассчитывать на ваше понимание.

— Сработаем к концу года новую программу — тогда решим.

Месяцем раньше или позднее, велика ли разница? Мне просрочка в двадцать дней обошлась дорого. Если верить резолюции Верховного Совета, я стал участником «заговора». Годы спустя так и осталось непроясненным — какого. Это не помешало учинить, невзирая на мой депутатский иммунитет, обыск у меня дома. В прессу лансировались слухи, инсинуации, фальсифицированные документы. Каждый день и каждый год жизни должен был быть опоганен.

Пятьдесят пять лет назад я уже видел подобное. И толпы, кричавшие «позор», и травлю в прессе, и полное бесправие тех, кого травят. Сталинские охотники за «врагами народа» могли бы возрадоваться — есть поросль. Еще в чем-то уступают в изощренности, но с опытом и она придет.

Известие о «необычных событиях» в Москве застало меня на даче, где мы с женой проводили отпуск. Весной в столице уже играли с бронетехникой, опять, наверное, испугались демонстраций, был мой первый комментарий. Будь что-нибудь серьезное, догадались бы, наверное, сообщить. А час спустя звонок по радио-

телефону: в 10.00 надо быть на Старой площади, созвано заседание секретариата.

По дороге, запруженной танками, да с объездами быстро не получается. Когда я вошел в зал заседаний, секретариат уже отсовещался. Прошу повторить для меня, что случилось, что с М. С. Горбачевым, почему чрезвычайное положение именно сейчас?

Ответ председательствующего, члена политбюро О. С. Шенина:

— Не задавайте и вы вопросов, на которые не получите ответа.

Зайдем с другой стороны. Просьба осветить детали происходящего. Реакция: принимаемые меры — дело прежде всего государственное.

Чрезвычайное положение вправе объявить только Верховный Совет. Когда он будет созван, если это вообще предусматривается?

Ответ: депутаты в отпусках, раньше чем через неделю их собрать не удастся.

Необходим внеочередной пленум ЦК, чтобы определиться с позицией партии. Реакция — против созыва пленума возражений нет, но участие в нем генерального секретаря не гарантируется.

Нет, без генерального пленум ничего не прояснит. Продолжим обсуждение вечером.

Секретариат шел без В. А. Ивашко (он после операции в санатории), Г. В. Семеновой (она в отъезде), Б. В. Гидаспова⁵ не вызвали из Ленинграда. Гиренко появился пятью минутами позже меня, его вытащили из больницы. Еще двух или трех членов секретариата не разыскали.

Никто ни словом не обмолвился, что до моего прихода обсуждалась телеграмма в ЦК республиканских компартий и обкомы о поддержке мер ГКЧП, поскольку они «не противоречат Конституции». О существовании телеграммы я узнаю к концу следующего дня.

Расходимся. Спрашиваю одного из членов политбюро, что за этими странными действиями стоит? Ответ расплывчатый.

— Не кажется ли вам, что все напоминает не чрезвычайное положение, а любительскую оперетту?

Иду к себе в отдел. Меня извещают, что лидер бельгийских социалистов убедительно просит о встрече. Ему в тот же день возвращаться домой, и на аэродроме его атакуют журналисты. Что говорить?

Спитальс у меня в кабинете. Я не скрываю, что несколько часов назад меня вызвали из отпуска. Пока располагаю сведениями самого общего характера.

— Что касается роли КПСС в событиях, то можете исходить из следующего: принятые меры носят государственный характер, партия и ее руководство к ним не причастны.

Наш разговор с бельгийским коллегой состоялся 19 августа в пол-первого по московскому времени.

«Заговорщик» В. А. Ивашко ведал о том, что будет названо путчем, не больше, чем я. Судя по намекам прокуратуры, обобщенным в высоколитературном произведении «Кремлевский заговор»⁶, из руководства ЦК к подготовке «чрезвычайного положения» был причастен лишь О. С. Шенин. Еще одного секретаря посвятили в тайну в ночь на 19 августа. Но об этом заговoryт после издания Верховным Советом своей резолюции и вслед за тем, как Б. Н. Ельцин запретит — «для разрядки» — деятельность партии, ее аппарат будет разогнан, собственность конфискована, деньги, снятые с ее счетов, пущены на ветер.

Обвиняемые по делу ГКЧП добавят к сказанному, что имелся еще один секретарь, которого держали в курсе подготовки к «путчу», — М. С. Горбачев. До 18 августа, утверждают они, генеральный сотрудничал с путчистами и лишь в самый последний момент свернул на обочину. Очной ставки В. А. Крюкова с бывшим генеральным устраивать не захотели, ибо истиной не интересовались.

23 августа у меня состоялся последний разговор (по телефону) с М. С. Горбачевым. Я должен был обратить его внимание на то, что ряд докладывавшихся генеральному секретарю вопросов так и остался нерешенным; теперь Горбачеву самому придется позаботиться о сохранности документов.

Горбачев сначала дает выход эмоциям — рассказывает о днях, проведенных на положении пленного в Форосе. Потом делится сведениями, полученными по возвращении с юга от командующих военными округами и касающимися «планов создания концлагерей» для противников ГКЧП. Он никак не придет в себя после экзекуции, которой час назад подвергся в Верховном Совете РСФСР.

— Ты не видел? В какое положение меня там поставили! Ведь транслировали на всю страну по телевидению.

— В это время совершалась другая экзекуция — над аппаратом ЦК. Нам не разрешили взять с собой даже личные бумаги. Не в государственных интересах, партийные отложим пока в сторону, чтобы служебные документы остались бесхозными.

— Понимаю тебя. Сейчас я мало что в состоянии сделать. Подумаю. Может быть, образуется. Спасибо за звонок.

Жена интересуется, какое впечатление оставил разговор. Рас-терян, перегружен личными переживаниями, но, если судить по тону, говорил почти как в лучшие времена.

На следующий день из вечерней телевизионной передачи «Время» все, включая меня, узнали, что М. С. Горбачев сложил с себя обязанности генерального секретаря ЦК КПСС. Вскоре

нас неофициально информировали, что конфискация зданий ЦК вместе с хранившейся там документацией производилась якобы с ведома Горбачева. В момент разговора со мной он будто бы уже оповестил, в частности, управляющего делами Н. Е. Кручину, что отрывается от партии. Опять играл?

Горбачев преклонял колени перед своим политическим соперником Ельциным. По форме, однако, он изображал свой акт как сведение счетов с «партией путчистов». В банальной уловке М. С. Горбачев уподоблялся монарху, что обещал царство за коня.

Тем, кто заподозрит меня в субъективности, могу сообщить следующий факт. В декабре 1991 г., на исходе последнего дня президентства М. С. Горбачева, его посетил профессор А. А. Денисов⁷, авторитетный парламентарий из Ленинграда. Денисов ездил по поручению президента в Таджикистан и, вернувшись, хотел доложить свои наблюдения о положении в республике. Горбачеву не до таджикского сюжета — «есть вещи поважнее». Небо на землю рушится. И неожиданное признание (в передаче А. А. Денисова и, следовательно, без передергивания):

— Наверное, я поторопился сложить с себя обязанности генерального секретаря. Сейчас партия мне даже очень пригодилась бы.

Мне больно это говорить. Слишком много я инвестировал в перестройку самого себя. И не в моих обычаях бить лежащего или издеваться над убогим. Бесконтрольная и необъятная власть испортила Горбачева, растила политически, идейно, морально.

П. К. ЛУЧИНСКИЙ

Заложники

<Фрагменты>

<...>

Последний год Политбюро практически не работало. Не больше шести-семи раз заседало. Сначала в Кремле на третьем этаже, где работал президент. Горбачев заходил со стороны Орехового зала. Это небольшая комната цвета спелого ореха, за что получила свое название. Она примыкает к залу заседаний. Через нее попадаешь в приемную и кабинет президента, сделав небольшой полукруг по коридору.

Вел заседания генсек. Он делал многословное вступление. А потом шел крутой разговор о положении дел в партии, в стране. Не раз от Горбачева требовали что-то делать, так как партия и страна катятся к хаосу и полному развалу. Такими были выступления С. Гуренко и И. Каримова, лидеров партии Украины и Узбекистана, Ю. Прокофьева, московской парторганизации.

На что генсек почти всегда парировал: «Я знаю обстановку лучше вас всех. Я вижу дальше, чем вы!» И подводил итоги обсуждения. В решение вносились поправки. Он подписывал окончательный текст.

Конфликты с партийными руководителями у него стали углубляться с лета 1990 года. А через год апрельский пленум ЦК вызвал такой накал страстей и нежелание терпеть Горбачева в роли лидера партии, что он сам не выдержал. Заявил о готовности уйти в отставку. В один из перерывов меня окружили почти две сотни участников пленума. Многие из них высказали такую критику в адрес Политбюро, что мне стало не по себе.

Что удержало секретарей областей, краев, республик здесь же на пленуме расстаться с Горбачевым? Сказать трудно. Можно предположить, что у большинства сработал инстинкт самозащиты. Июльский Указ российского президента Бориса Ельцина «О де-